

ПОДВИГ ЭЛИАСА ЛЁННРОТА

В 2019 году исполняется 170 лет со дня издания окончательного варианта блистательного произведения карело-финской литературы — эпической поэмы «Калевала». Поэма была создана талантливым ученым-лингвистом Элиасом Лённротом (1802–1884) на основе старинных карельских и финских народных песен. На протяжении многих лет он собирал эти песни, совершая свой незаметный, но великий подвиг.

Элиас Лённрот родился в финском городке Саммати. Отец его занимался портняжничеством. Семья была очень бедной, и с малых лет мальчик был вынужден трудиться. Порой ему приходилось зарабатывать на хлеб даже песнями в деревнях. Несмотря на небывалую нужду, упорный юноша сумел осуществить мечту — поступить в университет в городе Або, ныне Турку. Лённрот поступил туда в 1822 году. Тогда не существовало кафедры филологии, поэтому молодой человек не смог изучать финский язык и литературу. Он решил стать врачом и, окончив медицинский факультет, впоследствии занимался врачебной практикой всю жизнь.

Однако подлинной страстью Лённрота стал фольклор. Еще в университете он защитил диссертацию на латинском языке на тему «Вяйнемейнен — бог древних фин-

нов». Получив должность районного врача в небольшом городке Каяани (Восточная Финляндия), он увлекся собиранием древних эпических рун, пословиц и поговорок. Этим занятиям он посвящал все свое свободное время. А во время отпусков отправлялся в путешествия по финской и русской Карелии. Эти путешествия он совершал один, нередко подвергаясь опасности.

В первую поездку, совершенную летом 1828 года, Лённрот посетил русскую Карелию — Приладожье и остров Валаам, где побывал в знаменитом Валаамском Спасо-Преображенском монастыре и на местном кладбище с могилой шведского короля Магнуса, ставшего схимонахом Григорием. По итогам этой поездки ученый издал сборник «Кантеле», который содержал 90 рун старинной метрики и 20 новых песен. Немало строк, что встречаются в сборнике, Лённрот позднее перенес в текст «Калевалы».

Последующие фольклорные экспедиции оказались еще более плодотворными. Молодой ученый обошел многие глухие уголки Русского Севера. Здесь Лённрот встречался с известными карельскими рунопевцами — Архипом Перттуненом и Ваассилой Каелевьяйненом, от которых записывал руны и старинные финские песни.

За пятнадцать лет своих экспедиций Лённрот прошел пешком или проплыл на лодке путь, равный расстоянию от Хельсинки до Южного полюса. Крайними точками его путешествий оказались Печенга, Архангельск, Петрозаводск, Беломорье, Эстония и Ингрия. В 1844 году, возвращаясь пешком из Тарту в Хельсинки через Петербург, он записал местный ижорский фольклор в селении Котлы, что находилось в Ямбургском уезде.

Дальние походы Лённрот успешно сочетал с напряженной работой за письменным столом. Собранные руны он поэтически переосмыслил и гармонично объединял в цельную эпическую поэму «Калевала». Ее первое издание состоялось в 1835 году, а спустя четырнадцать лет, в 1849 году, вышел и окончательный вариант главного произведения карело-финской литературы.

Гениальный труд Элиаса Лённрота обрел широкое признание. Современники по праву ставили «Калевалу» в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей», «Песней о Нибелунгах» и «Старшей Эддой». В 1850 году ученый стал почетным членом Берлинской Королевской академии наук. В 1853 году его пригласили в Гельсингфорский университет на должность профессора финского языка и литературы. Спустя шесть лет избрали почетным членом Венгерской академии наук. А в 1876 году Элиас Лённрот был торжественно избран почетным академиком Императорской академии наук. Этому успеху финского ученого искренне радовались его русские друзья — известные литераторы Яков Грот и Петр Плетнев.

Финляндия вошла в состав Российской империи в начале XIX века как Великое княжество Финляндское. Благодаря полученным правам широкой автономии в стране начался процесс государственного строительства, который включал и формирование национального самосознания. Публикация эпической поэмы «Калевала» удостоверяла, что финский народ постепенно начал обретать свою национальную идентичность. Элиас Лённрот подарил финнам свою древнюю историю, подарил им славное героическое прошлое, а значит и достойное будущее.

Не случайно последняя песнь поэмы завершилась знаменательным событием — дева Марьятта чудесно ро-

МИР КАЛЕВАЛЫ

жает младенца, которого тут же нарекают «королем Калевалы». Увидев это, бывший вождь Вяйнемейнен навсегда покидает родную землю. Нетрудно догадаться, что перед нами — символическая картина перехода от языческих времен к светлому христианскому бытию.

* * *

Сборник «Мир Калевалы» посвящен 170-летию со дня публикации окончательного варианта великой эпической поэмы «Калевала». Элиас Лённрот создал ее на основе тех древних рун, которые собрал во время путешествий по северным карельским землям. Именно поэтому в сборнике приняли участие 50 поэтов и писателей, фольклористов и ученых из самых разных городов России и Финляндии. К ним присоединились авторы из Бельгии и Израиля. Это значит, что удивительный карело-финский эпос служит благородному делу объединения народов. Авторы сборника, создавая свои произведения по мотивам «Калевалы», тем самым воздают должное великому подвигу великого финского ученого Элиаса Лённрота.

*Евгений Лукин,
Санкт-Петербург*

**РУССКАЯ
КАЛЕВАЛА**

Михаил АНИКИН

(Санкт-Петербург)

МИР КАЛЕВАЛЫ

Помню, как солнце вставало,
Мир согревая кузнечным теплом.
Все в этот миг оживало
Под светозарным лучом.

Многое помню из детства,
Мне его не позабыть...
Тропка лесная — в наследство,
Можно ль ее не любить?

Шел я по ней, собирая
Белых грибов хоровод.
Славься, отчизна родная,
Славься, великий народ!

Сопки и скалы, и вереск,
Финского берега даль...
Чем это можно измерить,
Как успокоить печаль?

Разве стихом Калевалы,
Русскою песней родной?
Жизнь отошла, отыграла
Невской холодной волной.

Только и нынче, как раньше,
Луч светозарный горит...
Плуг все тоскует о пашне,
Север о юге скорбит.

Мир Калевалы не умер,
Многое переживет,
В сердце звучит, словно зуммер,
К истине вечной
Зовет!

* * *

В детстве читал «Калевалу»,
В детстве — бродил по песку...
Память туда зазывала,
Где не пройти старику.

Был молодым и здоровым,
Шел сквозь торосы легко...
Словно волшебное слово
Солнце текло высоко.

Словно стекло, лучезарны,
Дали сквозь годы влекли...
Где вы мои «Несмеяны»,
Где вы, мои корабли?

Сосны и скалы — все те же,
Солнце все так же парит....
Только мечтаю все реже.
Сердце о жизни
Болит!

Павел АЛЕКСЕЕВ

(Петергоф)

ИЗ ДЕТСТВА

Мама! Мамочка!

Что? Что случилось?

Плохо мне. Плохо!

Огонь. Огонь. Кругом всполохи рвутся, мечутся, обжигают, закручиваются вихрями. Рвут темноту на куски. Пот. Жар. Все разбросано. Смерч. Стихия. Пламя гудит, устремляясь вверх. Ревет. Пространство изменяет себе, себя. Не на что опереться взгляду. Ураган.

Чернота сталкивается с огнем. Пожарище. Шипение. Пар. Холод. Озноб. И снова волны огня накатывают. И я тону, тону, погружаясь.

Забвение. Тьма.

И вдруг раздается едва слышный голос. Голос?

Пение.

Песня. Да!

Это руна Вяйнёмейнена.

Он поет, и голос рушит наважденья и туманы.

Он идет сквозь мрак и пламя, сквозь дожди и ураганы.

Тише, тише плещут волны, и огонь покойней, вроде.

Старый, верный Вяйнёмейнен говорит с огнем и стужей.

И с водою говорит.
Женский голос что-то шепчет, недоволен отвечает:
— Не отдам тебе мальчишку. Он скорее тут утонет.
Но смеется Вяйнемёйнен, говорит еще три слова.
И рождается лодчонка. И плывет челнок сквозь воды,
сквозь проливы Тоунелы.
Я лежу на дне той лодки.
И выводит Вяйнемёйнен к берегам родимым нас.
Мама, мама мне не верит.
Улыбается, смеется.
Гладит, плотно укрывает
и уходит по делам.
Я смотрю, а у кровати распахнула гладь страница старой
книги «Калевала».
А на ней мне Вяйнемёйнен машет, машет, ухмыляясь.
Не расскажем нашу тайну,
не расскажем никому,
как избавил от болезни старый, добрый Вяйнемёйнен.
Вон и солнце за окном!

Татьяна АЛФЕРОВА

(Санкт-Петербург)

* * *

Мы хмурым вечером пошли через болото.
Цвел вереск, клюква нежилась во мху,
и впечатлений свежих позолота
неспешно превращалась в шелуху:
как заблудились, как грибы искали,
как пел ручей под соснами внизу,
где берег сумрачный, летя по вертикали,
пронзал небес сырую бирюзу.
Но озеро в болоте как посредник
меж мифами и нами пролегло.
Старуха Лоухи, узорчатый передник
макая в это темное стекло,
изламывала отраженья сосен,
высвечивала ягельником тень,
напоминала — осень, скоро осень,
и месяц август проходил как день.
Я соглашалась — осень скоро, скоро,
и молодость прошла, июль прошел...
Как трепетал в лесу за косогором
его коротких дней неяркий шелк!
Но все казалось — небылое рядом,
мы молоды, мы счастливы сейчас,
а гром вдали катился виноградом,
сомнением сочась.

Мария АМФИЛОХИЕВА

(Санкт-Петербург)

КАЛЕВАЛЬСКИЕ МОТИВЫ

Вяйнемёйнен вещей
Заклинанья мещет,
Вяйнемёйнен старый
Не находит пары...

Тридцать лет во чреве девы
Вяйне по морю носился
Он, когда на свет родился,
Знал священные напевы.
И еще лет двадцать с гаком
В водах безначальных плавал,
И о нем гремела слава
По горам да буеракам.

С бородою долгой белой
Наконец пришел он к людям.
Помогал средь трудных буден,
И в руках кипело дело.
Слушались его березы,
Племена пред ним склонялись,
Лишь одна свербила малость,
Мучили ночные грезы.

Те желания однажды
Воплотились в милой Айно.
Потрясен чрезвычайно
Был он, как мужчина каждый.
И, к любви большой готовый,
Сватался он неотложно.
Да к тому ж неосторожно
Айно брат дал старцу слово.

Но судьба была печальна,
Мы о том доселе тужим:
Не желая старца мужем,
В бездну вод уходит Айно...

Не любовью, а корыстью
Иль политикой влекомый,
Вяйне снова прочь от дома
В Похьёлу несется рысью.

Красотой другой невесты
Лишь успел он восхититься,
Понеслось желанье птицей...
Но и тут нет Вяйне места,
Потому что Сампо сделать
Только Ильмаринен может.
Знать, и эта дева тоже
Бороде не дастся белой.

Сядь же ты под дряхлой елью,
Струны кантеле тревожа.
Быть судьба такою может:
На чужом пиру похмелье...

Знают все в народе строгом
Смысл печальной этой сказки:
Или мудрость, или ласки —
Так завещано от Бога...

Вяйнемяйнен вещей
Заклинанья мечет,
Вяйнемёйнен старый
Не находит пары...

Алексей АХМАТОВ

(Комарово)

ДЕТСТВО

Карело-финский эпос Калевала
Упорно не давался мне сначала,

Казалась скучной северная лира,
Не потрясало сотворенье мира,

Пока в той книжке на картинке Айно
Меня не увлекла чрезвычайно.

Ее забыть не в силах до сих пор,
Изгибы тела, страха полный взор.

С полсотни рун я как единый текст
Преодолею тогда в один присест.

Так Галлен-Каллела кистями спас
Перо, что мучил Лённрот Эллиас!

Наталья БЕРЗИНА

(Санкт-Петербург)

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЛЕВАЛЫ

Шел пятьдесят третий год. В США Дуайт Эйзенхауэр сменил на посту президента Гарри Трумэна, в Египте приняли конституцию, в Аргентине перед дворцом Хуана Перона в Буэнос-Айресе взорвали бомбу. В СССР умер Сталин. А трехлетней Вале из поселка Васкелово подарили книгу «Калевала».

Красивая большеформатная книга в коричневом ледериновом переплете стала в семье настоящей ценностью.

Книг тогда было мало. Радио в поселке не было. О телевизоре даже не мечтали. Новости узнавали из газет и от соседей.

В то время читать сама Валя еще не научилась. Но с большим интересом под керосиновой лампой рассматривала иллюстрации. Рисунки художника Николая Кочергина заполняли воображение сказочными образами и переносили девочку из дома в волшебный мир Калевалы.

Рассказы из карело-финского эпоса Вале вечерами читали родители.

Мудрый Вайнемейнен, отважный Илмаринен, веселый Лемминкяйнен, злая старуха Лоухи и красавица Севера — дочь хозяйки Похьёлы — будто оживали, готовые

сойти со страниц книги на усеянную первыми весенними ветренницами землю поселка Васкелово.

В шестьдесят первом году Гагарин полетел в космос. А в Васкелово провели электричество. Примечательно, что этот поселок, населенный с давних времен — первые упоминания о нем содержатся в Писцовой книге Водской пятины в XV веке, — расположен отнюдь не в сибирской тайге, а всего в пятидесяти километрах от Ленинграда.

Электрификация проходила непросто. Сельчане должны были внести плату за подключение. Жили трудно. Средств не хватало. Но на такое дело в итоге их, конечно же, изыскивали. И однажды в доме загорелся электрический свет! Теперь не надо было опасаться, что пламя керосиновой лампы задует ветер от сквозняка или лопнет стекло, или утром из рук выскользнет спичечный коробок и придется искать его впотьмах, чтобы поджечь фитиль... Теперь живи да радуйся!

Приходя со школы, Валя спешила управиться по хозяйству и сделать уроки, а в остаток вечера садилась читать. Нередко брала в руки и любимую книгу, с удовольствием пролистывая знакомые страницы.

Но вскоре Валиной семье пришлось на время покинуть свой дом.

Когда же через несколько месяцев хозяева вернулись, все вроде бы нашли на своих местах. Только книги не было. Не нашли как ни искали. Узнали потом, что сосед, присматривающий за хозяйством, взял почитать своим детям, да так и не вернул...

Через несколько лет Валентина закончила университет, стала инженером-конструктором. В ее жизнь пришло много книг — самых разных. Но то прекрасное издание

Калевалы своего детства она не могла забыть долгие годы. Часто вспоминала рисунки, чтение родителей под керосиновой лампой темными вечерами... Новые издания были хороши, пахли свежей полиграфией, удобно вставляли на полку шкафа. Но той книги детства все равно не хватало.

Шли годы. И однажды книга все же вернулась к своей владелице.

Здесь, пожалуй, напрашивается история о необычайном стечении обстоятельств и удивительной судьбоносной встрече, в центре которой должна неожиданно появиться книга...

Но ничего подобного не произошло.

Просто тиражи в Советском Союзе были огромными.

В пятьдесят третьем году типография Полиграфиздата в Сортавале отпечатала семьдесят пять тысяч (!) экземпляров Калевалы. На переплете тиснением проставлена цена — 4 рубля 30 копеек, сделавшая издание доступным для читателей. В результате книга пошла в народ. Благодаря этому и сейчас, спустя более полувека, букинистическое издание можно найти в продаже.

После оформления заказа в два часа ночи через интернет-магазин в два часа дня этих же суток в телефоне просигналило сообщение: «Ваш заказ готов к выдаче».

Вечером мы всей семьей пили чай и читали Калевалу.

Александр ВОЛКОВ

(Петрозаводск)

МОЛИТВА

Слово лучшее в сердце оставлю
и молитвою дух растревожу,
и родимую землю восславлю:
помоги ей, о Господи Боже!

Пусть в озера ее на рассвете
вечно смотрятся ели сторожко,
свежей рыбою полнятся сети,
а болотные кочки морошкой.

Ей, политой и потом, и кровью,
на планете нет места иного...
Да звенит над родительской кровлей
вековое карельское слово!

Будут вечно хранимы народом
«Калевалы» старинные руны!
И под чистым ее небосводом
да не рвутся у кантеле струны...

Перевод с карельского А. Расторгуева

Константин ГНЕТНЕВ

(Петрозаводск)

ВЕЧЕР ГОДА

С высокого автомобильного моста через Лососинку в самом центре Петрозаводска все лето наблюдаю за утиным выводком. Восемь утят высидела большая серая утка в этом году. Утята уже через неделю громко кричали, гонялись друг за другом, стуча по воде тонкими крылышками.

К середине июля в выводке осталось только пять утят.

Теперь поздний осенний вечер. Долго ищу глазами знакомую стайку на нешироком речном разливе. Шуршат за спиной равнодушные автомобили. Маслянисто отсвечивает ранними огоньками асфальт, — от него резко пахнет нефтью и выхлопной гарью. Наконец на гребне полузатонувшей коряги замечаю знакомые утиные силуэты. Повзрослевшие птицы сидят неподвижно, втянув головы. С горечью замечаю, что их теперь только пара...

Я знаю, что они вряд ли улетят на юг вместе со своими дикими сородичами, что живут в речных верховьях и на лесных озерах. Как и я, они теперь городские. Утки и зимой станут жить в городском центре, перелетая из одной полыньи в другую. А дети будут приводить родителей и радостно кричать: «Мама, мама. Посмотри, птички ку-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru